

ИСТОРИЯ В СТИЛЕ FINE

Саша ходил по Риге и говорил, что уедет в Штаты. Когда напивался, рассказывал об этом даже незнакомым людям. Люди реагировали по-разному. Одни искренне сочувствовали, другие фальшиво радовались. Патриоты избили. С последним ударом раздалось, как гонг: «Вали, жидовская морда!» Концептуальность разила привычным антисемитизмом.

Одна девушка попросила взять с собой. Саша сказал, что Штаты — это, прежде всего, freedom, и туда надо ехать полностью свободным от обязательств. Тем более от обязательств перед женщинами.

Девушка влекла. У нее были добрые глаза и такие же намерения. Она встретила его через пять лет в кафе. Даже не так: в том же кафе. Внимательно посмотрела на Сашино лицо и одежду. Узнала с тревогой и детским недоумением. Подсела за столик, смахнула нефальшивую слезу и спросила:

— Здравствуйте. А я думала, вы давно уехали. Вы, наверное, меня не узнаете? Пять лет назад вы говорили, что уедете в Америку, и не хотели брать меня с собой.

Саша вспомнил, и ему стало грустно. Оказывается, девушка уже три года как эмигрировала в Германию. На

ней был модный шелковый костюм, легкие босоножки и славянская радость. На Саше — старый кардиган, щетина и маска еврейской грусти. Она удивлялась, что его задерживают в Риге, и хвалила Мюнхен. Саша пил водку и говорил про обстоятельства. Все было не так. Говорить, что уедешь в Америку — символ призрачного благополучия. Чем дольше говоришь, тем быстрее чувствуешь себя хоть немного счастливым. Статус беженца приравнивался к ореолу мученика. Да воздастся тем, кто страдал!

Алекс страдал. За эти пять лет он попал в аварию, подхватил гонорею и сменил три места работы. Имя он тоже заблаговременно сменил. Но не в паспорте: просил, чтобы все его звали Алексом. Один раз я заметил, что Македонский был Александром, но не просил делать обрезание имени. Саша ответил:

— Папа Македонского был Филиппом Вторым, маму звали Олимпиада, с детства его воспитывал Аристотель. Моего отца зовут Герц, маму — Роза, воспитывали меня в обычной советской школе. Я слишком мал для того, чтобы зваться Александром...

После встречи Алекса с девушкой прошло еще три года. Вся Рига спрашивала, почему Саша не уехал. Спрашивали даже незнакомые люди. Кого-то он избил — за любопытство и прозвучавшую в голосе иронию. Усомниться в страданиях — значит оскорбить. И Саша уехал. Оскорбленным, а значит, готовым доказать. Вещизму он не поклонялся. Багаж был в основном духовным. Книжки, пара антикварных канделябров покойной бабули, три ее же кольца и брошь... Подставки для свечей отобрали на таможне, кольца с брошью — тоже без церемоний. Еще и пожурили, мол, нехорошо, товарищ, народное добро

вывозить. Он попытался возмутиться, сказал, что это бабушкино. Ему ответили по-еврейски: «А бабушка что, бабушка не народ?» Саша ответил, что бабушка покойница, но дальше спорить не стал.

Из Америки Саша обещал писать. Договорились, что хотя бы полуправду. Хорошо устроившиеся эмигранты не пишут вообще. Максимум раз в квартал. У них на это просто нет времени. Они вкалывают. Те, кто живет в районе с африканоидами, отгружают письма мешками. Типичный пример — письмо друзьям:

«Здравствуйте, родные! Вы не представляете, как мы прекрасно устроились. У нас все fine. Нам дали собственный дом с green газонem, хорошую машину, и, главное, мы свободны...»

Дом — это лачуга, в которой было бы стыдно жить даже дяде Тому. Газон — green, но пластмассовый. Босиком лучше не ходить, порежешься. За машиной с озверевшими лицами давно гоняются утилизаторы. Про свободу они не врут. Безработные в Штатах безгранично свободны. А слово «дали» в Америке применимо только к церкви и нищим. Все остальное — за деньги.

«...Жору обещали взять на работу по специальности, то есть врачом. Я housewife, то есть домохозяйка. Здесь это модно. Сенечка ходит в очень хорошую школу, а мама получает большую пенсию».

Жору возьмут на работу только после того, как он сдаст экзамен. Чтобы сдать экзамен, нужно выучиться на врача заново. Это лет семь. Семь лет Жора будет учиться, потом еще столько же искать место. Далее — пенсия. Хаусвайф для семьи эмигрантов непозволительная роскошь, лишний рот. Лишние рты в Штатах не в моде. Лишний рот — это как тяжелораненый на линии фронта.

Сеня ходит в школу, где на входе стоит металлоискатель и дежурит коп. Справа от Сени за партой грустит мальчик, которого нельзя различить в ночи. Слева — девочка лимонного цвета с глазенками не шире английской булавки. Мама, то есть бабушка Сени, готовится к парализации и получает шестьсот баксов, на которые живет вся семья. Паралич — как финал ячейки. Ну, еще пособия.

«...Вы просто обязаны поскорее оформить документы. Здесь реальная сказка. Медлить ни в коем случае нельзя. Вы будете нам всю жизнь благодарны. Нам без вас плохо. Наши вам kiss and love».

Вот, пожалуйста: обязаны! Океан разделяет, а все равно обязаны. Про сказки вообще бред. Сказки не воплощаются в жизни. Вернее, воплощаются, но только плохие. «Медлить нельзя» — по Ильичу. Промедление смерти подобно. Кажется, у него было так... Жаль, его послушали. Нужно было чуточку подождать.

И вот она истина: им плохо! Не «без вас плохо», а просто хреново! Оказаться в дерьме в одиночку — всегда тяжело. Выбираться не получается, значит, нужно кого-то затащить. Если компания — весело бывает даже в трясине. Обычно под «kiss and love» — сердечко — признак начала деградации и синтетического вкуса.

В конверте — фотографии. Вся семья улыбается на фоне чужого «крайслера». Сидит за пустым столом в дорогом ресторане. Позирует на фоне входа в дорогой кинотеатр с афишей большого стенокардией Шварценеггера. Если купят билеты в кино, семья будет неделю жить впроголодь...

Писать по-другому они не имеют права. В американском языке есть слово loser. Им обозначают неудачни-

ков. Кажется, его даже не нужно переводить на русский. Луза. Попасть. В бильярде это очко, в Штатах — проигрыш. В Штатах нельзя говорить, что ты «лузер». По тебе начнут ходить. Даже не так: через тебя начнут переступать. Переступают через лужи, небольшие препятствия и мертвецов. Если по тебе ходят — не все потеряно: тебя замечают, есть шанс озлобиться, подняться и дать сдачи.

Те, кто пишут такие письма, хорошо усвоили одно: всегда надо говорить «fine». Врать даже в письмах друзьям. Я просил Сашу не писать мне таких писем. Я не верю в истории в стиле fine...

Первую эпистолу я выудил из ящика месяцев через пять.

Привет, Мишка! Видишь как. В Риге называл тебя Майклом, а отсюда пишу — Мишка. Я уже ненавижу эту страну, эти целлулоидные рожи и этот гребаный повсеместный fine! Очень много театра. Не город, а самодеятельные подмостки. Здесь у всех надо спрашивать: «Как дела?» А мне по хер, как у них дела. Но спрашивать надо. Здесь это первая норма приличия, символ хорошего воспитания. Не спросишь «как дела», они не обидятся, но затаят. И все отвечают: fine! Даже онкологические и спидоносцы. Видел двоих — не то печень отваливается, не то мозги. По-моему, когда они подходят к гробу на похоронах, то не прощаются, а, наклонившись, спрашивают: «How are you?» И мне кажется, что покойник шепчет: «Fine».

Нет, я никого еще не похоронил. Некого. Просто часто бываю на местном кладбище. Это самое спокойное местечко в городе. Стиль выдержан. Прямоугольные кусты, незамусоренные дорожки, арабов с латиносами нет. Здесь тоже шоу — тихое и не яркое. Но похороны лишены

индивидуальности. Вот возьми наши гробы: красные, черные, белые, с рюшечками, даже с фольгой, у некоторых из-за брака не закрывается крышка, они дивно скрипят, веночки — хоть на дверь в Рождество вешай! Я понимаю, что убожество. Но глаз не замыливает. Увидишь — и хочется жить, отдавая зачастую фальшивые почести ушедшему... Здесь — сплошное лакированное дерево. Дерево хоронят в дереве. О надгробьях не говорю. Могильный инкубатор. Гранит и фамилии. На пять квадратных метров — по шесть одинаковых фамилий. Как выглядел покойник — знают только близкие, фотки не в моде... У наших плакальщиц голоса, не уступающие Зыкиной. Здесь плачут тихо, не навзрыд. Здесь плачут в жилетку. И не только евреи... Не подумай, что я собрался умирать. Просто, благодаря таким экскурсиям, отвлекаюсь от суеты.

Очень рад, что не поленился выучить язык в Риге. Помогает в плане работы. Постоянной пока нет, но, я думаю, все образуется.

Если Гоша снова будет ностальгировать по шпротам и бальзаму — не высылай. Здесь все это есть, проверено раввинами, и цены вполне приемлемы. Он просто неприлично экономит.

Как дела с твоим отъездом? Вы уже были на собеседовании? Обязательно напиши.

Высылаю тебе фото. Оно мне нравится больше других. Парня, что рядом со мной, не знаю. В этом районе, бывает, постреливают. Так что, возможно, это его последняя фотография. Если да, то царствие ему небесное... Обнимаю. Алекс.

На фотографии Саша стоял в обнимку с улыбающимся темнокожим. Позади трущобы просили ремонта. Саш-

ка не сломался. Наоборот. Он вернулся там к жизни. В нем снова проснулось чувство черно-оптимистичного юмора. Восемь лет, что он говорил об отъезде, не прошли даром...

Мне пришел вызов из американского посольства. Вернее, не мне, а родителям, сестре и бабушке. Радости было — как на Новый год. Открыли шампанское, целовались. Нужно было ехать в Москву на собеседование.

Первым отправился я. Три дня пил и шляется по клубам. Московские родственники сказали, что если Америка и погибнет, то благодаря таким, как я. На четвертый день к пяти утра был у дверей посольства. Родители подъехали в девять, сразу с поезда. Сказали, что с такой физиономией лучше проходить собеседования у врача-нарколога. Еще сказали, что я уменьшаю их шансы. На что — я уточнять не стал.

Морской пехотинец за стеклом сказал: «Пачпорт». На мозаике из герба США стоял огромный темный парень в черном костюме. Где кончается кожа и начинается костюм — указывали манжеты и воротник рубашки. Стоял — как последнее предупреждение: «Смотрите, нас там таких много, может, передумаете?»

Мы прошли в большую комнату, уставленную рядами кресел. Зал ожидания перед отправкой в другую жизнь. Очередь двигалась медленно и трагично. Как в Мавзолей. Только здесь можно было сидеть... Я быстро заснул. Над залом повисли ноты моего храпа. Мама резко толкнула в бок и сделала замечание. Рядом сидела пожилая еврейская чета. Мама сказала, что, когда я заснул, наш сосед на выдохе произнес:

— Счастливый человек. Это же надо иметь такие канатные нервы...

Собеседование вели двое. Чересчур любезничали. Задавали провокационные вопросы:

- Чем вам не нравится в Советском Союзе?..
- Вы были в Арзамасе-16?..
- Почему вы выбрали для эмиграции именно Америку?..
- Вы голодаете?..
- Испытывали ли вы притеснения со стороны режима?..
- Вам есть что носить?..

Я почувствовал себя обнаженным. Когда мы отвечали, они довольно улыбались и переглядывались. Для них все ответы были комплиментами системе, которая их воспитала. Ежедневно эти двое выслушивали здравицы во славу США. Их не смущало, что от неудачников. Они, как и система, болели манией величия.

Бабушку спросили:

- У вас же есть в Риге сын. Кем он работает?

Бабушка обрадовалась, что ее заметили, и похоронила наши надежды. С энтузиазмом и гордостью выпалила:

— Да! Конечно, есть! Он занимает большой пост. Он старший регистр пароходства!

Вместо «беженцев» мы получили «эмигрантов». Но это выяснилось к вечеру. Янки знали, что, имея сына на такой должности, можно жить даже в Северной Корее или Анголе. И никуда не надо бежать. Нужно было сказать, что мы были в Арзамасе-16. И обязательно добавить, что проездом через Челябинск-3 или другой секретный городок.

Вечером я получал листок с вердиктом. Рядом стоял пожилой еврей, утром возмущавшийся моим спокойствием.

— Что дали? — поинтересовался он. Как будто речь шла о сроке или индульгенции.

- «Эмигрантов».

— А нам — «беженцев».
— Желаю успешно добежать.
— У них везде камеры. Вам дали «эмигрантов», потому что вы спали.

— Нет, потому что мы армяне.
— Перестаньте. Вы еще хуже евреев.
— В смысле?
— Такие же. Но только хуже.
— Спасибо.

— Не за что... Ладно, не обижайтесь. Поверьте мне: здесь тоже можно чудно устроиться. Другие времена. Вы молоды. Желаю вам успеха!

— Хорошей вам пенсии через вэлфер... И на меня не сердитесь. Пока все колена отыщем, может, и родственниками окажемся.

Мой собеседник по-доброму улыбнулся.

По его логике, Америка собирала со всего мира все, что хуже. И это «хуже» быстро сливалось с тем, что лучше. Скорее, он был прав. У него за плечами жизнь, у меня — какие-то жалкие обрывки...

В поезде я напился. Взялся за письмо Сашке. Стол дрожал, рука подпрыгивала, мысли предательски вибрировали. За окном неотремонтированными памятниками стояли избы с черными трубами. Собаки без хвостов, ошейников и породы лаяли на вагоны. У мутной лужи играл с консервной банкой забавный мальчуган. Я подумал, что пройдет десять лет, а эта картинка не изменится. Хотя почему десять? Такой она, судя по описаниям классиков, была и в начале века.

На листок пролилась кока-кола вперемешку с пьяными слезами. Я заснул. Теперь мой храп никому на нервы не действовал...